

УДК 159.9

Иванов М.В.

*Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия*

Возможен ли учебник конструктивистской исторической психологии?

Is a textbook of constructivist historical psychology possible?

Аннотация

Статья посвящена методологическим вопросам соответствия конструктивистской парадигмы основам исторической психологии. Рассматриваются гносеологические установки конструктивистов (особенно их отношение к понятию истины), интерпретация ими категории времени, описывается и анализируется понятийный аппарат конструктивизма в аспекте его применимости к теоретическому наследию исторической психологии и дидактическим возможностям создания конструктивистского учебника по этой становящейся научной дисциплине. Большое внимание уделено наследию основателя отечественной исторической психологии В.А. Шкуратову. Оспаривается претензии конструктивизма на успешную реализацию своей парадигмы в области исторических наук.

Ключевые слова: конструктивизм, истина, большое время, исторические науки, асинхронность, полифония, историческая психология, научная парадигма

Abstract

The article is dedicated to methodological conformity of the constructivist paradigm to the foundations of historical psychology. The epistemological attitudes of constructivists (especially their attitude to the truth concept), their categorical interpretation of time are considered, the conceptual apparatus of constructivism is described and analyzed in terms of its applicability to the theoretical legacy of historical psychology and didactic possibilities of creating a constructivist textbook on this emerging scientific discipline. Much attention is paid to the legacy of the founder of Russian historical psychology V.A. Shkuratov. The claim of constructivism to the successful implementation of its paradigm in the field of historical sciences is disputed.

Keywords: constructivism, truth, big time, historical sciences, asynchrony, polyphony, historical psychology, scientific paradigm

Введение

Печальным импульсом для написания данной статьи для меня стало сообщение об уходе из жизни Владимира Александровича Шкуратова (он скончался в Ростове-на-Дону 23 января 2022 года). Замечательный ученый – философ и психолог, Шкуратов научным сообществом справедливо считается основателем отечественной исторической психологии. Его книга

«Историческая психология», изданная в 1997 г. (Шкуратов, 1997), до сих пор является самым авторитетным источником информации для преподавателей, читающих на психологических факультетах России названную в заглавии дисциплину. Когда мне в 1999 году предложили вести историческую психологию студентам Санкт-Петербургского государственного университета, я, прежде всего, обратился к этому труду и в течение двадцати лет рекомендовал его слушателям как главный учебный источник. В нем широко представлена история изучения психической жизни людей прошлых эпох с привлечением богатого материала, почерпнутого из отечественных и зарубежных исследований историков, психологов, лингвистов, этнографов, фольклористов, литературоведов, искусствоведов и философов. Предложена продуманная периодизация эпох ментальностей, рассмотрено развитие психических функций на исторической оси. Разумеется, с течением времени, в список литературы по предмету входили последующие публикации Владимира Александровича.

Переоценка ценностей

Чувствовалось, что растет неудовлетворенность В.А. Шкуратова ходом развития исторической психологии в рамках наук о человеке. Ученый постоянно обращался к ее статусу и неоднократно отмечал, что ее оформление в полноценную научную дисциплину проходит неудовлетворительно. Вот отрывок из стенограммы заседания совместного теоретического семинара Южного федерального университета и Института научной информации по общественным наукам РАН, состоявшегося 27 апреля 2016 г.

«Доктор философских наук, профессор В.А. Шкуратов рассказал о третьем издании первой части книги «Историческая психология» под названием «Введение в историческую психологию». «Сначала она была опубликована в 1994 г... второй раз (в расширенном варианте) издана в

1997 г... Третье – еще более расширенное издание вышло в 2015 г... В те годы в России был бум на такого рода литературу, историческая психология была в моде, книгу читали, курсы исторической психологии вводились на психологических, исторических и других факультетах. Моя книга служила учебником для этих курсов. Теперь положение другое. *Появились новые поветрия, историческая психология вышла из моды, ее курсы кое-где читают, но я уже не читаю...* Тот постперестроечный бум 1990-х, которому книга обязана успехом, не был творческим и продуктивным для научных открытий и развития теории... с университетских кафедр зазвучали слова «культура», «духовность», «нарративы», «бессознательное» и, конечно, «ментальность»... *Моя книга воспринималась тогда как компендиум полезных иностранных слов и выражений.* Собственные мысли и слова автора мало кого интересовали... Но и западные ресурсы, на которых работала российская гуманитарная перестройка, давно истощились. Во всяком случае, в исторической психологии... Продуктивное время для западной исторической психологии – это 1960-70-е гг... наступал закат... Как раз в 1989 г. обозначился явный кризис среди последователей Л. Февра и М. Блока, он развивался быстро, и скоро процветающее направление науки у себя на родине теряет позиции, уступает место конкурентам – дискурсивной антропологии Фуко и другим постструктуралистам и постмодернистам. *Направления исторической психологии, о которых я рассказываю в книге, – это наука XX в., вчерашний день.* Какова наука XXI в. и есть ли в ней место исторической психологии? Пока без ответа, но ведь кое-что зависит и от усилий конкретных людей” ... В заключение В.А. Шкуратов сказал: “Я готовлю переход ко второй книге «Исторической психологии», которая написана как очерк ментальности исторических эпох вместе с анализом телесности, языка, речи, образа, памяти, мышления, идентичности и сознания на основе авторской концепции антропокультуры и модифицированной фукеанской схемы знания-власти. Не исключено, что этот материал придется

разделить на два тома”» (Колчинский, Лубский, Мининков, Рябова, Шкуратов, 2016, с. 266-269) (курсив мой – М.И.).

И вот прошло еще восемь лет – а желаемый учебник так и не был опубликован, даже, возможно, и не создан в окончательном варианте (об этом мы сможем судить только при публикации сохранившихся рукописей скончавшегося ученого или по мемуарным сообщениям его учеников). Третье издание «Исторической психологии» В.А. Шкуратова (2015 г.) содержит лишь изложение становления дисциплины и методологическую часть; реального последовательного анализа психической жизни людей в историческом срезе не представлено. При жизни В.А. Шкуратова все реже и реже проходили академические встречи по вопросам исторической психологии, так и не появился научный журнал с соответствующим названием, да и учебный курс перестал читать в родном университете тот, кто увлекся майевтикой нарождающейся дисциплины. По критериям Т. Куна, новая парадигма не народилась (нет научного предмета, учебника, журнала, места в рубрикации специализаций, а главное – расширяющейся сферы научных дискуссий и исследовательских результатов). При этом Владимир Александрович публиковал прекрасные, очень глубокие статьи и книги. Чего, например, стоит книга «Искусство экономной смерти» (Шкуратов, 2006)! В ней показана развернутая картина влияния «видеоряда» СМИ на формирование современной массовой культуры и, что особенно важно, на политические стратегии. В интервью Владимир Александрович показывал большой интерес к современным историческим процессам, с попытками прогнозировать будущее, чем демонстрировал актуальность историко-культурных исследований. Он прекрасно, «по-домашнему», воспроизводил атмосферу веков минувших. Как истинный интеллигент, Шкуратов не жаловался на судьбу, на внешние препятствия. И о себе говорил: « Я не хочу быть ни принцем, ни нищим» (Ханова, Тарасевич, Меркулова, 2015). Он поставил вопрос о пересмотре методологических основ

исторической психологии – и, тем самым, основ своей базы теоретической позиции. Видимо, причиной замедленного создания новой концептуальной системы оказались трудности сопряжения наличного фактического материала с постулатами преобразованной методологии. Смерть ученого прервала его интенсивные поиски. Будучи самым крупным отечественным знатоком материалов по исторической психологии, Шкуратов, конечно, мог бы воздвигнуть защитный барьер, охраняющий свою прежнюю позицию. Но он проявил мужество и большую активность в поисках новой идейной конструкции. Честь ему и хвала! Говорить о промежуточных итогах исследований Владимира Александровича можно лишь с большой приблизительностью, и это не входит в задачи данной статьи. Однако стоит определить тот теоретический вектор, который обозначили последние работы ученого, потому что для продвижения в науке требуются не только очевидные открытия, но и отрицательные результаты. Последние помогают скорректировать дальнейший путь и двигаться с опорой на достоверные идеи в трудах предшественника. Как не раз говорил Ю.М. Лотман, полемика – это форма уважения к оппоненту в научной дискуссии.

Опора на конструктивизм

В.А. Шкуратов отдал предпочтение направлению, сформировавшемуся в постмодернистской парадигме: конструктивизму (в не до конца установившейся ее терминологии синонимом может выступать и «конструкционизм»). Выпуск №1 журнала «Методология и история психологии» за 2018 год был представлен как тематический выпуск «Конструирование миров». Из десяти крупных статей, написанных авторитетными психологами, девять демонстрировали приверженность авторов конструктивизму – среди них и статья В.А. Шкуратова «Культура мысли и знание-власть». Прошло еще четыре года, а новый учебник по истории психологии так и не появился.

Мне представляется, что кризис мысли возник потому, что в сознании Шкуратова философ не смог договориться с психологом и историком, стремясь добиться над ними победы. По сути замысла, именно историческая психология должна была стать доминантой исследовательской направленности, а не приложением к всемогущей философской доктрине. Исторической психологии по праву первенства следовало проверять философию на совместимость со своей природой, а не наоборот. И конструктивизм, возросший на почве неокантианства, феноменологии и экзистенциализма, скорее возводил труднопреодолимые препятствия в построении историко-психологической науки. Глубоким мыслителем, обладателем обширнейшей эрудиции, открывателем и систематизатором ценнейших историко-психологических феноменов был выбран не тот профессиональный акцент. А это помешало применить лезвие Оккама и отсечь идеи другой науки (возможно, плодотворные), которые вступали как «сущности больше необходимых» из-за их неорганичного встраивания в наличную ныне структуру избранной дисциплины.

Коль скоро я мыслю в интересах исторической психологии, философия выступает как инструмент, средство – пусть даже ее объявляют фундаментом любой исследовательской деятельности. Как потребитель возможного философско-психологического варианта конструктивизма я так сформулирую свое его понимание на основе личного анализа материалов названного журнала.

Психика не отражает, а конструирует себя и мир (не устранимая из психической деятельности познавательная созидательность субъекта). Декларируется невозможность изъять субъективность из любой картины, претендующей на объективность; активность преобразования себя и мира. Вводится ограничение представлений о реальности межличностным согласием разной степени в диалоге и взаимодействии. Признается неизбежное наличие «разногласий» (межличностных и межгрупповых) и

отказ от претензий на признание «своей» истины как единственно правильной. Нормой бытия объявляется многомерная и «разномыслимая» жизнь, направленная на взаимное межличностное и межгрупповое социальное и когнитивное взаимосогласие.

Основные оппозиции доктрины таковы: психика отражает – психика созидает, конструирует; объект независим от субъекта – нет объекта без субъекта; существует истина – существует согласие относительно истинности; истина одна – многие истины равноправны.

Читатель имеет возможность установить степень тождественности моего понимания конструктивизма с двумя обобщающими высказываниями серьезных авторитетов, взятых из названного ранее журнала.

«На мой взгляд, конструктивизм в психологической науке содержит несколько базисных составляющих, таких как: идея познания как построения («познавать значит динамически воспроизводить объект, но для того чтобы воспроизводить, нужно уметь производить...» (Пиаже, 1960)); идея модальности в познании как понимание того, что наличные теории не копируют, а моделируют реальность («карта – это не есть территория» (Гриндер, Бэндлер, 1994); идея плюрализма истинности как понимание правомочности множества конкурирующих моделей, адекватность которых может определяться не наличным, а еще «не ставшим», находящимся в развитии бытием; и, собственно, идея конструктивизма, заключающаяся в том, что познание не только описывает, но и творит реальность, и теоретические модели по принципу кольцевой причинности участвуют в созидании мира (познание как конструирование, внесение в мир нового)» (Петренко, 2018, с. 24).

«Конструктивизм в узком смысле при всем разнообразии подходов базируется на представлении не об отражательной (в духе теории отражения или теории копирующей истины), а в основном о конструктивной сути сознания и познания, обусловленности восприятия и понимания мира

личностными конструктами, образованными в ходе онтогенеза, и в силу этого на представлении о множественности трактовок реальности, отсутствии объективной и абсолютной истины» (Карицкий, 2018, с. 7).

Опасность тривиального повтора

Исходно идея конструктивизма сводится к тому, что мы не пассивно «отражаем» мир, а конструируем его. В принципе, такая позиция не отрицает существования объективной реальности «вне» субъекта и даже не отказывается от соответствия ей наших представлений. Но в таком варианте признается только активность сознания в «добраивании» субъектом мира и себя (в дополнительном конструировании сознанием моделей из имеющихся уже физиологических «заготовок»). Однако тогда замысел покрывается налетом тривиальности. Такая идея была ранее высказана выдающимися психологами без необходимости платить дань конструктивистскому релятивизму. Например, М. Вертгеймер в 1940-е годы прямо заявлял, что «живые процессы мышления направлены на улучшение данной ситуации» (Вертгеймер, 1987, с. 296). Как видим, здесь утверждается идея творческой активности личности, учет ситуации и ее улучшение в реальности (нахождение более совершенного гештальта, «изоморфного» внешнему миру), да еще и подчеркивается, что «даже те процессы, которые, по-видимому, являются чисто интеллектуальными, предполагают определенную установку человека – некую готовность рассматривать проблему, делать это открыто, честно и искренне... Хитрость и дух деспотизма, видимо, не лучшая установка в продуктивном мышлении» (Вертгеймер, 1987, с. 209). И, при всем том, ориентированному на физику Вертгеймеру в голову не приходило сомневаться в «отдельности» от человека, в объективности структурированного «внешнего» мира, открытого для усовершенствования.

Идею моделирования (а не фотографического отражения) мира сознанием обосновали те же гештальтисты (у них изоморфизм образа

восприятия объекта означал соответствие реальной структуре объекта). Кстати, Ю.М. Лотман в своей книге «Лекции по структуральной поэтике» в 1963 году обосновывал эту же идею моделирования. Но ни гештальтисты, ни Лотман не сомневались в существовании «независимой от субъекта реальности». Принцип социальной согласованности значений восходит к интеракционистам (т.е. к первой трети XX века). «Эффективное окружение, в котором живут люди, может рассматриваться как система значений, упорядочивающих способы действий... Значение объекта – это организованная ориентация, которую можно определить как совокупность тенденций поведения, основанных на предположении об определенных характеристиках объекта... Для человеческого поведения характерно, что как экспектации, так и подтверждения обычно включают реакции других людей... Символическая среда – это не простая репродукция внешнего мира; благодаря способности пользоваться символами люди в состоянии видоизменять свое окружение... Каждый человек в состоянии сформировать упорядоченный взгляд на мир, и у тех, кто пользуется одними и теми же символами, развивается общая ориентация» (Шибутани, 2002, с. 120).

Смягченный конструктивизм полагает активность сознания и его автономность в построении моделей мира, но требует их независимой проверки на соответствие внешнему миру (т.е. признает существование внесубъектной реальности, ее структурированность и установление степени соответствия наших представлений о мире как степени истинности). Крайний конструктивизм отрицает вообще истину (заменяет согласованностью мнений), декларирует равноправие любых систем познания и признает доминирование субъекта над объектом, которое может достичь любой степени пренебрежения реальностью. («Лежит ли в основе познания какая-либо <действительность>, мы не можем знать; высказывания на эту тему, и в первую очередь все метафизические понятия – субстанция, бытие, сущность, суть наши конструкции и лишены какого-либо реального основания» (Элен,

1999, с. 84)). Так как позиция В.А. Шкуратова приближалась к крайнему конструктивизму, именно на нем и будет сосредоточен дальнейший анализ проблемы.

Размежевание на уровне философии, а не психологии

Вопрос о соотношении «материи» и «сознания» поднят несколько тысячелетий назад. Да, здесь есть отчетливая связь между гносеологией и психологией, но выбор позиции психолога зависит от его философских убеждений. Никаких психологических аргументов, которые бы «железно» доказали преимущества «идеализма» над «материализмом», не существует. Здесь путь познания фиксирован в точке философской, а не научной психологической развилки. Я приведу фрагмент из статьи автора, которого я глубоко уважаю, ценю его экспериментальные исследования, восхищаюсь многими его идеями не-философского и не-методологического уровня, наслаждаюсь его остроумием и изящным стилем, но не в состоянии процитированные высказывания принять иначе, чем обозначил в предшествующем рассуждении.

«Я могу продемонстрировать множество психологических текстов, где пишется о соответствии их теоретических построений некоей «объективной действительности», «психологической реальности», «социальной действительности». При этом сама эта действительность подразумевается, как некая онтологическая данность, существующая сама по себе безотносительно к позиции исследователя, и ставится вопрос, насколько тот или иной образ, та или иная характеристика или оценка соответствует действительности. Один из наиболее ярких отечественных методологов естественнонаучной парадигмы В.М. Аллахвердов выразил подобную позицию следующим образом: «ученый стремится узнать то, что есть на самом деле, но всегда вносит в это знание нечто такое, чего на самом деле нет. Ученый является лишь искателем истины, а не ее носителем»... Эти

представления характеризуют позицию многих не только отечественных, но и зарубежных ученых. Как отмечает Х. Патнем, «сегодня многие философы, а возможно, большинство, поддерживают некоторую версию “копирующей” теории истины – т.е. концепцию, согласно которой утверждение является истинным в том случае, если оно соответствует (независимым от сознания) фактам»... Теория отражения (или ее версия «теория копирующей истины») имплицитно содержится в мировосприятии большинства психологов и философов. Особенно это парадоксально звучит в тематике общения, межличностного восприятия, сознания и самосознания, где, казалось бы, уже сама проблематика подразумевает пристрастного наблюдателя, включенного в изучаемый процесс» (Петренко, 2018, с. 21-22).

Я предпочту оказаться в «методологическом лагере» сторонника «естественнонаучной парадигмы» В.М. Аллахвердова: «Ученые никогда, к счастью, не знают окончательной истины. Если бы все было окончательно известно, то не только наука, но и сама жизнь остановилась бы. Но какая-то существенная часть истины уже содержится в сегодняшнем научном мнении и сохранится навсегда» (Аллахвердов, 2021, с. 547). Потому что похожая на феноменологическую парадигма нерасчленимой «субъект-объектной реальности» никак не избавляет от массы затруднительных вопросов. Текст В.Ф. Петренко помещается на фон, на котором выгодно выбран удобный «мальчик для битья» – догматический марксизм. Но и без него «объективная действительность», признается многими философскими системами прошлого и настоящего. И я предпочитаю пребывать в пределах теории, которая вызывает у автора чувство, сочетающее удивление и легкое сожаление: это теория, которая «имплицитно содержится в мировосприятии большинства психологов и философов». Если мы «конструируем» мир и себя, то неужели созданная «конструкция» *достоверно* включает только субъект, а объекту дает *проблематичный* статус и объявляет его существующим лишь при условии нашего реального в него включения – или вообще эфемерным?

Доминирование субъекта над объектом, разумеется, позволяет принять весь веер разнообразных идей, превратив их в равноправные, но – мнения, и признать сосуществование любых несовместимых позиций. Платой за такую толерантность будет отрицание истины как таковой. (Все-таки надежнее «исходить из того, что научные построения не должны вступать в противоречие друг с другом. Поэтому разные теории, несовместимым образом объясняющие одно и то же явление, – очень популярная ситуация в психологии – не могут быть все вместе верными» (Аллахвердов, Иванов, 2014, с. 122)).

Я еще раз хочу возвратиться к цели моей статьи. Я не собираюсь залезать в дебри изысканий в гносеологии, отложив при этом рассмотрение проблем исторической психологии до тех пор, пока философы не дадут твердого ответа на вопрос о сути наших познавательных процессов (если такое вообще возможно). На судьбе нашего крупнейшего специалиста по исторической психологии я стараюсь оценить возможности той методологии, которая стала его путеводной звездой. В.А. Шкуратов стремился создать новый вариант теории исторической психологии и написать отличный от своего прежнего учебник. Труды этого ученого заслуживают большого внимания, содержат много исключительно интересных наблюдений и располагают к серьезным размышлениям, но желанный результат не был достигнут. Владимир Александрович оставил лишь наметки новой концепции. Может быть, его ученики смогут создать более ясную систему его взглядов. Пока ничего не известно. Пресса молчит. Даже дату смерти Шкуратова я смог узнать лишь у его друзей, ибо не нашел никаких сведений в средствах массовой информации. Но один методологический ориентир известен: ученый отдал предпочтение теории крайнего конструктивизма. К ней и придется обратиться.

Конструктивизм и отечественная филологическая традиция

Для расширения зоны приложения своих идей в гуманитарную область конструкционисты особенно часто ссылаются на авторитет выдающихся русских филологов М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана. Но здесь проявляется некоторая реверансность ссылок на их труды и концепции, которые скорее упоминаются, чем анализируются, а обычно эти имена попадают в строки перечислений предшественников-провидцев. При ближайшем же рассмотрении их трудов картина меняется.

В 1929 году М.М. Бахтин опубликовал книгу о Достоевском, в которой высказал фундаментальные идеи о новом типе романа, выраженные в таких терминах, как «полифония», «карнавализация», «диалог», «амбивалентность», «противоречивость», «многоплановость» – вполне созвучных конструктивистским построениям (в оппозиции к «единомыслию»). «Все элементы романной структуры у Достоевского глубоко своеобразны; все они определяются тем новым художественным заданием, которое только он сумел поставить и разрешить во всей его широте и глубине: заданием построить полифонический мир и разрушить сложившиеся формы европейского, в основном монологического (гомофонического) романа» (Бахтин, 1963, с. 8-9). Притом М.М. Бахтин отнюдь не утверждает, что творчество Достоевского «заменило» прошлую художественную парадигму как архаичную, «отменив» ее. Именно это было бы в духе конструктивизма, потому что он право на сомнение и релятивизм при оценке других интеллектуальных систем не распространяет на отношение к себе «со стороны»: не действует принцип самоприменимости. (Например, наблюдается отчетливая агрессия по отношению к академической науке и традиционному образованию. По мнению философа З. Энгелбретсена, эти области «компрометируются и искажаются, принижаются и отрицаются» постмодернистами, считающими их источником всех социальных зол и стремящиеся заменить их локальными

представлениями и устранить разницу между учителями и учениками» (Смит, 2007, с. 338)).

М.М. Бахтин выделяет одну из форм романа, и только. Она реализует пространственно-временную модель мира и личности, которая, действительно, близка конструктивистской концепции, обозначая заодно и другую. «Ни в одном из романов Достоевского нет диалектического становления единого духа, вообще нет становления, нет роста. Но на самом деле многопланность и противоречивость Достоевский находил и умел воспринять не в духе, а в объективном социальном мире. В этом социальном мире планы были не этапами, а станами, противоречивые отношения между ними – не путем личности, восходящим или нисходящим, а состоянием общества. Многопланность и противоречивость социальной действительности была дана как объективный факт эпохи... Основной категорией художественного видения Достоевского было не становление, а сосуществование и взаимодействие. *Он видел и мыслил свой мир по преимуществу в пространстве, а не во времени...* Такой художник, как, например, Гете, органически тяготеет к становящемуся ряду. Все сосуществующие противоречия он стремится воспринять как разные этапы некоторого единого развития, в каждом явлении настоящего увидеть след прошлого, вершину современности или тенденцию будущего; вследствие этого ничто не располагалось для него в одной экстенсивной плоскости... Достоевский, в противоположность Гете, самые этапы стремился воспринять в их одновременности, драматически сопоставить и противопоставить их, а не вытянуть в становящийся ряд. Разобраться в мире значило для него помыслить все его содержания как одновременные и угадать их взаимоотношения в разрезе одного момента... Только то, что может быть осмысленно дано одновременно, что может быть осмысленно связано между собою в одном времени, – только то существенно и входит в мир Достоевского. То же, что имеет смысл лишь как «раньше» или как «позже»,

что довлеет своему моменту, что оправдано лишь как прошлое, или как будущее, или как настоящее в отношении к прошлому и будущему, то для него не существенно и не входит в его мир. Поэтому и герои его ничего не вспоминают, у них нет биографии в смысле прошлого и вполне пережитого. Поэтому в романе Достоевского нет причинности, нет генезиса, нет объяснений из прошлого, из влияний среды, воспитания и пр. *Каждый поступок героя весь в настоящем и в этом отношении не предопределен; он мыслится и изображается автором как свободный*» (Бахтин, 1963, с. 35-40) (курсив мой – М.И.).

И ни о каком абсолютном преимуществе полифонического романа речи не идет. Наоборот, «исключительная художественная способность Достоевского видеть все в сосуществовании и взаимодействии *является его величайшей силой, но и величайшей слабостью. Она делала его слепым и глухим к очень многому и существенному; многие стороны действительности не могли войти в его художественный кругозор*» (Бахтин, 1963, с. 41) (курсив мой – М.И.). По Бахтину, в мире Достоевского пространство поглощает время, социальное многоголосие помещает полилог в точку наличного настоящего, обескровив прошлое и будущее. Если обратиться к основной теме моей статьи, то можно представить, каково создавать учебник исторической психологии при установке на скомканное время и при замене развития полилогом («нет причинности, нет генезиса, нет объяснений из прошлого»).

Для анализа позиции Ю.М. Лотмана лучше взять наиболее близкое к конструктивизму по ряду формулировок исследование «Своеобразие художественного построения «Евгения Онегина»» (Лотман, 1988). Первоначально констатируется наличие в романе большого количества самых разных несовпадений и неувязок, которые почему-то прямо не бросаются в глаза (в терминологии конструктивизма, наблюдается

переключка «голосов», объединенных читательской толерантностью к нестыковкам).

«Исследовательское наблюдение вскрывает в тексте «Евгения Онегина» поэтику противоречий, контрапунктное столкновение различных структурных элементов. Весь текст построен как многообразное *нарушение* многообразных структурных инерций. И однако, для обнаружения этого нужно специальное аналитическое усилие – в непосредственном читательском восприятии текст романа выглядит прямо противоположным образом: как исключительно монолитный, отмеченный единством стиля, авторской манеры повествования и образов героев. Соединяя эти два соображения, мы можем сказать, что разорванность, контрастность, контрапунктное построение являются в пушкинском романе средством создания целого, обретающего в читательском восприятии прямо противоположные качества – единства, гармоничности, монологической формы, композиционной законченности» (Лотман, 1988, с. 92-93).

Логично, что первое объяснение такого парадокса связано с природой художественных «механизмов, делающих возможной такую метаморфозу текста в читательском восприятии» (Лотман, 1988, с. 93). Наиболее показателен механизм стиля. «Многообразные формы чужой речи реализованы в тексте «Онегина» принципиально иным образом, чем в сказовом повествовании прозы второй половины XIX-XX вв. В.В. Виноградов отмечал, что иностилистические куски погружены у Пушкина в стихию авторской речи. «Чужая» речь существует в пушкинском рассказе не как таковая, автономно и независимо, а в качестве окрашивающих элементов повествования. «Онегин» диалогичен или даже полилогичен. Однако *это полилог, пересказанный в авторском монологе*» (Лотман, 1988, с. 93) (курсив мой – М.И.).

Может быть, речь идет о каком-то эстетическом фокусе мнимого согласия оппозиционных структур: наподобие зрительных иллюзий,

порожденных изображением невозможных фигур? Нет, Ю.М. Лотман обращается к фабульной стороне романа, к той реальности, которая конструируется сознанием воспринимающего при получении неизбежно отрывочной текстовой информации, дополненной доступным читателю контекстом (эскиз повествования дорисовывается воображением до полнокровной картины жизни героев). «Способ повествования становится объектом иронии и абстрагируется от лежащей за его пределами сущности романа. С другой стороны, создается ощущение, что ни один из способов повествования не в силах охватить эту сущность, которая улавливается лишь объемным сочетанием взаимоисключающих типов рассказа» (Лотман, 1988, с. 49). При конструкционистском релятивизме «сущность» не подразумевается вообще. Каждый волен трактовать художественный текст на свой манер, тем более, речь идет о вымышленной ситуации, «фикции». А «сущность» прямо связана с поиском истины (неслучайно Ю.М. Лотман опубликовал в дальнейшем комментарий к роману, настраивающему читателя на адекватное и исторически грамотное истолкование «Евгения Онегина» (Лотман, 1980). Поэтому «склеивает» противоречия объемность художественного объекта, созданного автором и воспринятого читателем на основе данного обеим сторонам общего истолкования внехудожественной многомерной, но единой реальности (так в начертательной геометрии три различные проекции соединяются в объемном аксонометрическом изображении единого предмета).

На уровне культуры Ю.М. Лотман истолковывает пушкинский текст как преодолевающий шаблонность художественных языков различных литературных направлений (классицизма, романтизма и проч.). Показ поэтом их условности направлен на «дискредитацию литературности» (Лотман, 1988, с. 97), замещающей познание объективных проблем жизни. Но эти языки не являются и бессмысленными, ибо принадлежат процессу постепенного познания истинного положения дел. Новым было то, что

многоголосие демонстрировало развитие, становление, тогда как прошлый стилистический монологизм отбрасывал прежнюю традицию и становился криком моды. «Вместо представления, согласно которому создание новых типов и методов искусства подразумевало отбрасывание предшествующих как «устарелых» и «ложных», в результате чего художественно-активным оказывается лишь хронологически последний пласт искусства... «Онегин» оказался иначе организованным... пройденное не отбрасывалось, а становилось составным элементом нового» (Лотман, 1988, с. 98). Ю.М. Лотман явно считал такое открытие Пушкина общекультурным завоеванием, с чем не согласовывается принятая конструктивистами куновская идея парадигмы (Кун, 2009), которая утверждает разрыв новой теории с прежде господствующей и смену научной картины мира. Филолог предпочитает концепции развития, накопления знания и принятия прошлых теорий с определением границ их адекватности.

И, наконец, можно проследить, как Ю.М. Лотман переходит от истолкования художественного образа к психолого-культурной интерпретации личности. «С одной стороны, представление о литературном персонаже как динамической интеграции противоречивых свойств, поставленных под условный знак структурного единства, свойственно, как сознательная установка, отнюдь не всем типам художественного обобщения. В западноевропейской художественной традиции оно обычно связывается с именами Шекспира и Сервантеса, в русской – ведет свое начало от «Евгения Онегина»... С другой стороны, целостность и статичность внелитературного – бытового – представления о человеке весьма не безусловна. Такая статическая целостность образуется при *словесном пересказе*, в форме нехудожественного повествования, наших впечатлений от определенной личности. Само же непосредственное наблюдение всегда отрывочно, фрагментарно и противоречиво. Склеивание и унификация этих

впечатлений в единый образ – результат вторичных психологических операций» (Лотман, 1988, с. 105-106).

Представление о личности формируется в процессе создания гештальта, когда многообразие проявлений человека воспринимается в единстве на основе механизма константности, направленного на отождествление нетождественного. Как утверждает В.М. Аллахвердов, «*феномен константности* характеризует тенденцию сознания рассматривать окружающие человека предметы как одинаковые, даже если органы чувств фиксируют их изменение... Белую бумагу мы воспринимаем как белую даже при лунном освещении, хотя она отражает примерно столько же света сколько черный уголь на солнце... Феномен константности еще более очевиден применительно к использованию понятий... Особое место в ряду этих феноменов занимает тот факт, что разные раздражители могут вызывать одинаковое ощущение» (Аллахвердов, 2000, с. 412). Обращение к идее гештальта открыло в психологии путь к плодотворному исследованию креативной природы сознания и анализу научного и художественного творчества. Поэтому переход Ю.М. Лотмана от исследования структуры образа в «Евгении Онегине» к культурно-психологической проблематике вполне логичен.

Я обратился к наследию двух выдающихся филологов, на труды которых ссылаются конструктивисты, с совершенно прагматической целью: определить, в какой степени постулаты крайнего конструктивизма приемлемы для гуманитарного знания, в том числе, и для исторической психологии. И попытался продемонстрировать глубинную несовместимость позиций. М.М. Бахтин и Ю.М. Лотман явно вышли за границы филологии в своих теоретических построениях, оказав большое влияние на культурологию, этнографию, историю, психологию и, конечно, не были чужды новым веяниям в науке. В искусствознании и литературоведении множественность интерпретаций художественного феномена была нормой.

Вопрос ставился иначе: какая интерпретация достовернее, а какая находится за границей внимания по причине ее очевидной несостоятельности. Объявление всех истолкований равноправными – это уход от проблемы или обогащение исследовательской методики? Это помощь гуманитариям или запутывание их? Я знал, что художественный текст может влиять на реальность, но всякое ли влияние («конструирование» новой реальности) благо? Филологам пришлось пускаться в этические рассуждения, анализируя духовные последствия появления «Страданий юного Вертера». Г.-Э. Лессинг прямо обвинил Гете в том, что он вызвал волну самоубийств молодых людей.

Конструктивистские ориентации поздних исследований В.А. Шкуратова

Я воспроизвел ряд важных культурно-психологических идей, которые вошли в научную традицию и затем были приняты конструктивистами. И никакой смены парадигм их развитие не предполагает. Видимо, пафос отрицания связан был у В.А. Шкуратова с признанием доминирования других установок. Так как его последние труды носили поисковый характер, то трудно описать ясные очертания конечной цели. Но направление движения можно определить. Я приведу высказывания, которые взяты из публикаций В.А. Шкуратова, не претендуя на точность препарирования текстов, но питая надежду, что некоторая избыточность формулировок позволит представить характер научного мирозерцания ученого.

Интервью «Есть ли жизнь в постсовременности», 2008

«Я исследую умирание литературы как института. В частности, явление замены штучной, авторской работы писателя компьютерной комбинаторикой текстов у коммерческих мастеров. Человек сегодня читает такой продукт – вроде бы перед ним «роман», но, в сущности, написан он уже не человеком – он составлен из блоков... Лирическая поэзия – это тоже культурная технология времени. Она основана на нашей способности

улавливать тонкие нюансы слова, и действовала она от Сафо до Бродского. Сейчас же она кажется устаревшей, ее сменяет технология экшн...

Масс-медиа узурпируют, перетягивают на себя коммуникацию вообще, претендуя на главную и чуть ли не единственную роль в формировании образа реальности... Когда общающиеся разобщены пространством и временем, то они начинают зависеть от услуг трансляторов... *Реальность, по аналогии с методами СМИ, начинает восприниматься как зрелище.*

Акцент был перенесен с физического разрушения на информационное воздействие... По канонам современной политики, всякое крупное политическое действие сопровождалось большим количеством крови... Но постиндустриальное общество – это общество всеобщего гедонизма и массового потребления, оно не хочет умирать, жертвовать собой... Эпоха героизма, военной культуры прошла... постсовременный принцип изменения мира – другой. Крови должно быть очень мало, человеческие затраты – минимальными... Но совсем без жертв обойтись не удастся – причины кроются в психологии катарсического воздействия, в обрядовых истоках искусства и политического действия... И выход из политического тупика нашёлся. Он – в постсовременном принципе использования массового шокирующего зрелища. Инструмент предоставили средства массовой коммуникации. И так, *крови – мало, но она должна быть хорошо подана...* Посредством глобальных масс-медиа можно добиваться быстрых изменений сознания людей без введения танков в посудные лавки. Мир глобализируется, а глобализм – это царство образа, визуального эсперанто... *Понижение «серьезности», переход к игровой модели является неизмеримым благом для человечества...* Экономия жизней граждан становится для цивилизованного политика начала XXI века главным признаком корректности... В книге «Искусство экономной смерти» я рассматривал ряд событий, в том числе «оранжевые» революции... Оранжевые... устроили шоу, преобразовали народ в «видеонарод». Сейчас уже важен не «глас

народа», не содержание выкрикиваемых лозунгов, не vox populi, a vid populi, то есть образ массовки на экране. С одной стороны... от десяти до ста тысяч человек поют, закусывают, размахивают флажками, а с другой – тридцать миллионов зрителей наблюдают за ними, глядя в телеэкраны. Вот это и есть постсовременная революция» (курсив мой – М.И.).

Монография «Новая историческая психология», 2009

«Общество все менее почтительно и внимательно к прошлому, к его музам, жрецам, хранителям, толкователям; оно пытается эмансипироваться от традиции, чтобы жить в настоящем своими повседневными делами. Закрепиться в текущей жизни ему помогает *психология, которая не просто изучает человека, но «вырезает» настоящее из связи времен* и обустроивает как отдельное цивилизационное состояние (Шкуратов, 2009, с. 8).

Продолжается обоснование современного, модернизирующего пути развития. Того, что предполагает урбанистический западный образ жизни по всей планете и *культивирует индивидуальное сознание, свободное от давления прошлого, живущее настоящим* в динамичной, но устойчивой среде (там же, с. 12).

Современность. Таким господствующим укладом в XIX-XX вв. выступает техническая цивилизация в индустриальной стадии развития. Динамику инноваций она соединяет с гарантиями социально-экономической стабильности и культурной преемственности, индивидуализм и предприимчивость – с законопослушностью и толерантностью... Постсовременность. Этот термин условен и означает только то, что мы пока не знаем, как назвать следующую за современностью эпоху. Информационные и биоинженерные технологии не загрязняют среду, не грозят человеку прямым физическим уничтожением. Они покушаются на его внутренний облик, сулят смену онтологии и трансформацию генотипа... это не просто будущая жизнь, но и жизнь, ориентированная на будущее, как

главную временную модальность, на *modus vivendi* в постоянных трансформациях, т.е. *на изменение без уравновешенности прошлого с будущим на основе настоящего*, а в порядке постоянных мутаций самого человеческого типа вместе. Постсовременность – не просто ориентация на будущее, но особое отношение к будущему, отличное от традиционалистского и современного. Традиционализм хочет видеть впереди повторение прошлого. Современность – продолжение настоящего... В постсовременной же ориентации – будущее есть зона постоянных и негарантированных изменений (там же, с. 21-22).

Нельзя сбрасывать со счетов антропотехническую коэволюцию. Ее надо учиться просчитывать. Во-первых, разбирая рассказы о грядущем на предмет их предсказательных средств, во-вторых, строя более сильные прогностические инструменты, в т.ч. *новую историческую психологию. Старая обслуживает старые хронокультурные ориентации. Мы должны понимать, что живем в эпоху с основательно пошатнувшейся верой в линейный прогресс* (там же, с. 40).

Что есть время? Время есть априорный схематизм, сохраняющий форму человека и ставящий этой форме предел (там же, с. 41). Время означает присутствие человека в мире. Присутствие временно. В указанных суждениях – не просто психологическое самоощущение человека, но и *отказ понимать мир физикалистски, как «мир плюс человек»*, вне смысла, идущего от временности (там же, с. 48).

Моментальная история заступает место длительной... Верхний предел человеческого Я, всемирная история, начинает сближаться с нижним порогом человеческого самовосприятия, его «теперь»... *Релятивистский хронотоп... будет состоять из мелькающих экранных «теперь», которые не сливаются в протяженность «прошлого–настоящего–будущего»* (там же, с. 62). Вычлененное «теперь» становится коллективной картиной мира, а прошлое и будущее разлетаются как индивидуальные экзистенциалы. *Что*

есть прошлое? То, что не удалось запомнить, рассмотреть, запечатлеть в быстром потоке информации... Что есть будущее? То, что не удалось взять для жизни из информационного материала (там же, с. 64).

Общей особенностью этого постмодернистского вывода знания является борьба с большим временем, которым классический гуманитарий на самом деле мог заниматься под сенью естественнонаучного детерминизма. Постмодернистские сражения с долгим линейным временем шли под лозунгом освобождения индивидуального «Я» от гнета классических идеологий XIX-XX вв., как либеральных, так и тоталитарных. Постмодернизм переводит большие нарративы в малые, разбирая историцистскую спайку «прошлое-настоящее-будущее». Он перекомпоновывает ее фрагменты в гибкие темпоральные сочетания, хорошо знакомые искусству, литературе, обыденному сознанию» (там же, с. 70-71) (курсив мой – М.И.).

Статья

«Историческая психология как история психологического знания», 2015

«Выявление досовременных человекоприменительных модусов уместно передать исторической психологии. В этом случае она становится также историей современной психологии. Однако излишне мыслить эту часть ее работы в прогрессистском ключе разворачивания нынешнего «передового» знания из его «примитивных», неразвитых предпосылок. Наоборот, ее усилия относительно принятых периодизаций психологии будут конструктивны... В моем представлении, система формируется со своим объектом, а не передается по эстафете от эпохи к эпохе в виде некоего ядра идей с разрастающейся вокруг него оболочкой. В качестве истории психологии историческая психология выступает противовесом современной психологической историографии. Она показывает «зачатки», «истоки» современного знания о человеке не в тех конфигурациях и последовательностях, с которыми мы знакомы» (Шкуратов, 2015, с. 42).

Статья «Культура мысли и знание-власть», 2018

«Первый том вышел в 2015 г. (Шкуратов, 2015а), рукопись второго залежалась, и автор пользуется любезным предложением журнала «Методология и история психологии», чтобы дать возможность увидеть свет части своего труда...

Более общая причина заката психолого-исторических исследований минувшего века демонстрирует, на мой взгляд, *малую перспективность выборочного использования понятий так называемой научной психологии для изучения прошлого* в аспекте его человеческого бытования... я выделяю их для историко-эмпирической разработки под названием культуры тела, культуры слова, культуры мысли, культуры образа, эгокультуры... К сожалению, последовательно вводимые в книге термины я должен представлять как данности, сопровождая лишь краткими пояснениями или отсылками к моим публикациям. *Удобствами чтения пришлось пожертвовать ради обоснования потестарной составляющей знания* (Шкуратов, 2018, с. 86).

Данная статья продолжает историческую развертку постструктуралистского двучлена, начатую ранее (Шкуратов, 2014; 2016). Формула Фуко употребляется как родовой термин для нескольких когитократических видов: 1. Ритуал – община; 2. Философия – империя; 3. Религия – церковь; 4. Наука – национальное государство; 5. Масс-медиа – глобальное общество (там же, с. 92).

Массовый материал стихийной инноватики должен проходить селекцию на предмет его правильного, социально одобренного использования человеческими общностями. Указанный нормативный фильтр я буду называть парадигмой, а его работу – легитимацией. Понимать подобным образом парадигму позволяет самая известная ее теория, изложенная Т. Куном (там же, с. 93).

Нормативные ряды антропокультур имеют собственные субстраты: наррадигма – сюжетное рассказывание, сомадигма – действие тела с другими телами и предметами, видеодигма и аудиодигма – запечатление образов. Когидигма – это нормативный ряд в культуре мысли, пересекающийся в своих заключительных фазах с телесной культурой приборов и других устройств. Фазы когидигмы – эвристическая, магическая, философская, научная, астрорегуляции информрегуляции – размечают движение мыслекультуры в сапиентном диапазоне эволюции от неопосредованных (эвристических) состояний знания к его пределу, за которым находится полностью объективное, т.е. асубъектное и ачеловеческое представление мира как Иного» (там же, с. 94) (курсив мой – М.И.).

Предшествующий текст статьи отчетливо демонстрирует мое несогласие с многими идеями В.А. Шкуратова и может вызвать у читателя впечатление, что я неуважительно отношусь к ученому, который и ответить уже не может. Это не так. Мое первое переживание потери такого прекрасного человека и замечательного специалиста по исторической психологии сопровождалось растущим горьким недоумением по поводу неуважительного молчания научного сообщества в связи с кончиной Владимира Александровича. Его вклад в историческую психологию огромен и нуждается в дальнейшем подробном анализе историков психологической науки. Вопрос состоит в том, почему масштабный проект создания новой концепции исторической психологии и его оформления в учебнике не был осуществлен. Просто времени не хватило или был выбран путь, который привел в тупик? Даже если случилось последнее, такой результат тоже ценен для науки, и ни в коем случае не может быть поставлен в упрек ученому: ищущий всегда рискует. Отрицательный же итог поисков помогает собратям по науке задуматься о других путях.

Конструктивистские понимание времени и учебник по исторической психологии

Я привел столь обширный набор цитат из последних работ В.А. Шкуратова, чтобы обосновать серьезное сомнение в том, что продекларированные исследовательские установки ученого могут обеспечить создание полноценного учебника. Исключительно сложно продираться сквозь дебри философской, именно философской терминологии, состоящей из множества авторских неологизмов. («Удобствами чтения пришлось пожертвовать ради обоснования потестарной составляющей знания»). Чем позднее выходили работы В.А. Шкуратова, тем труднее было их читать и тем сильнее возникало ощущение, что психология подгоняется под философию, в которой автор стремился сказать новое слово. Тем более, что все вращается вокруг категории времени, да еще относящейся к истории. Как должны воспринять историки, искусствоведы, филологи, специалисты по истории разнообразных наук (математики, биологии и т.п.) прогноз на приход неизбежного «постсовременного» общества, в котором прошлое и будущее в умах людей должны сплюснуться до всевластного настоящего? И идея развития цивилизаций, идея накопления культурных ценностей, единства исторического процесса тоже ставится под сомнение (выделяются «яды антропокультур» в духе «антикумулятивной» концепции парадигмы Т. Куна). В «новой» исторической психологии место истории (как и категории «большого времени») найти проблематично. Повторю слова В.А. Шкуратова: «Общей особенностью этого постмодернистского вывода знания является борьба с большим временем, которым классический гуманитарий на самом деле мог заниматься под сенью естественнонаучного детерминизма». Я всю жизнь относил себя скорее к «классическим гуманитариям», однако не припомню употребления в своей работе жестких причинно-следственных связей в духе «естественнонаучного детерминизма», не оставляющего места свободе воли, да и в трудах настоящих классиков

гуманитарных наук такого мало замечал. А идея «большого времени» принадлежит М.М. Бахтину, который утверждал, что «произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени, притом часть (а великие произведения всегда) более интенсивной жизнью, чем в своей современности» (Бахтин, 1986, с. 350). Т. Кун разбивает эпохи науки на независимые царства парадигм, слабо связанных, а скорее, даже не связанных между собой (не принимается принцип преемственности, накопления знаний, названный кумулятивностью); время «рубится», перегораживается на изолированные отсеки¹. М.М. Бахтин же, как классический филолог, ищет связь времен в том самом большом времени потока развития культуры. Мне представляется, что история культуры при учете всех эпохальных «взрывов» рассматривает «человека в потоке времени» (Иванов, 2021, с. 5). Да и в общей методологии науки идеи Т. Куна были существенно уточнены. И. Лакатос предложил метод взаимодействия научно-исследовательских программ, что «позволяет выйти из-под обстрела куновской критики и рассматривать научные революции как рационально реконструируемый прогресс знания, а не как обращение в новую веру» (Лакатос, 1995, с. 11). К истории же такой подход приложим в том отношении, что социум состоит из групп, у которых существуют разные «программы» понимания мира и поведения в нем, и они выстраиваются по шкале асинхронности: от более архаичных к современным. Нет культурных миров, подобных консервной банке, заполненной одним веществом. Даже внутри стремящейся к изоляции культуры существуют «подмиры» (возрастные, половые, статусные, профессиональные, очерченные местом жительства), и жизнь в них активизирует и развивает разные когнитивные механизмы. Например, полнезависимость-полезависимость проявляется по-разному в Турции у рыбаков с крестьянами и пастухов (Uscul, Kitayama,

¹ Разумеется, Т. Кун не был конструктивистом, не настаивал на жесткой конструкции «субъект-объект» в философском плане, не отрицал существование истины. Но отказ Т. Куна от принципа преемственности в науке мог использоваться конструктивистами при декларировании релятивности и равноправия любых познавательных систем.

Nisbett, 2008, p. 8552-8556). Различия существуют и в границах одной национальности. В исследовании Китаямы экономически мотивированные волонтеры, заселившие север о. Хоккайдо, в отличие от жителей основных островов Японии, показали относительно большую независимость и аналитичность (Kitayama, 2006, p. 369-374). При этом и в структуре каждой личности взаимодействуют асинхронные культурно-психологические слои. Динамика асинхронных слоев и обеспечивает связанность, последовательность развития и личности, и социальных отношений. Для исторической психологии важно, что история (время) в каждый отдельный момент (в синхронности) материализуется при представленности асинхронной галереи идей, систем поведения и производства артефактов, обеспечивающих движение в будущее (Иванов, 2006). (В биологии аналогичное явление именуется рекапитуляцией). В периоды социальных кризисов именно такая динамика асинхронных программ не позволяет «взрывать» разрывать на части исторический процесс, обеспечивает преемственность в культуре и появление новых типов личности (Иванов, 2022, с. 12-43).

Но и психологии сохраниться тоже трудно, ибо ее современные понятия, по мнению В.А. Шкуратова, порождены «так называемой научной психологией». Речь идет о создании новой философско-историческо-психологической... либо парадигме, либо «когидигме», которая обеспечит метаморфозу всего гуманитарного знания в духе конструктивизма. А методологический принцип преемственности в научных знаниях даже не просматривается. Поэтому до создания учебника исторической психологии при таких условиях дойти было бы затруднительно. Так как В.А. Шкуратов сказал, что второй том учебника им написан, но не опубликован, будем надеяться на учеников ученого, которые помогут этому произведению выйти в свет и, возможно, дать объяснение тем неясностям рукописи, которые сам автор обещал дать в предполагаемом третьем томе. Однако изданная

В.А. Шкуратовым в 2009 году «Новая историческая психология» меньше похожа на педагогический труд, чем его «Историческая психология» 1997 года.

Влияние конструктивизма на социальную практику

Теперь я хочу перейти к возможностям конструктивизма влиять на ход науки и социальную практику, для чего, собственно, и существуют учебники. Конструктивисты часто, говоря о своих теоретических построениях, используют слово «игра», демонстрируя свою приверженность к свободе, интеллектуальной нестесненности, творческой раскованности. «Методологические искания современной физики близки методологическим находкам гуманитарных наук, где на смену старой интерпретации приходит дискурс нового типа, целью которого является не раскрытие какой-то одной “истинной” структуры, а “установление игры множества структур”» (Гусельцева, 2003).

Однако конструктивисты далеко не всегда представляют потенциальные практические следствия своих же постулатов, ибо оставляют «границы» открытыми для любых манипуляций. Например, требование обязательного включения в объект субъекта влечет отказ от признания истины, утверждение не только релятивности любого мнения, но и их равенства, и призыв к их толерантному сосуществованию. Тогда возникают непреодолимые трудности в поисках предпочтения гипотез (плодотворного научного поиска), в объяснении связи лингвистической и поведенческой активности и, хуже того, неспособность осознанно противостоять любому бреду и разрушению. Как честно признался один из авторитетнейших представителей социального конструкционизма К. Герген, «пока что конструкционизм не может представить убедительных объяснений происхождения деструктивных практик, взаимоотношением между языком и

поведением и значительных успехов естественных наук» (Semin, Gergen, 1990, p. 16).

Тем самым в конструкционизме/конструктивизме признается наличие и когнитивного, и поведенческого анархизма весьма опасного свойства. Равноправие любых утверждений опирается на представление о замкнутости знаковых систем на себе и независимости синхронического (структурного) среза системы от реальности, восходящие к лингвистическому учению Ф. Соссюра начала XX века (Филлипс, Йоргенсен, 2008, с. 31). Это открывает путь к манипулятивному созданию виртуальной реальности, которая внедряется в умы миллиардов людей после создания сети Интернет. Отброшена идея учителя Сократа Анаксагора, что голова человека занята умом, а рука – независимой реальностью. Один из крупных отечественных философов Б.В. Марков отмечает: «Классическая коммуникативная система, основанная на письменности, представляла язык как систему знаков, сила которых, сила их воздействия, степень их воздействия на поведение людей определяется не внешней формой, а внутренним значением. Оно отсылает к объективным положениям дел, к истине, уясняя которую люди строят планы своего поведения. Современные масс-медиа опираются на аудиовизуальные знаки, которые ни к чему не отсылают, а обладают прямым магическим воздействием и буквально гипнотизируют, завораживают людей. При этом нет речи о рефлексии по поводу их смысла и значения... Волшебные голоса теледив, рекламирующих товары, напоминают пение сирен, эксплуатируют доалфавитные и довербальные практики близости ребенка и матери» (Марков, 2012, с. 245-248).

Здесь стоит вернуться к идее В.А. Шкуратова, что уже наше время открыто для будущего через культуру «видеодигмы», позволяющей с помощью телевизионной или компьютерной «картинки» разрешать с малой кровью конфликты, которые раньше завершались гибелью сотен тысяч людей. Как показывает опыт «гибридных войн», медийная постановочная

«ложь во спасение» может и увеличить потоки крови. Хотя, конечно, честный ум Владимира Александровича признавал, что нынешняя агитационная практика может и оглуплять человечество. Он писал: «Мы должны помнить, что значительная часть информационной техники связана с интеллектуальной деятельностью не больше, чем бытовые электроприборы. Всякий, совершающий прогулки по Интернету, обречен пробираться сквозь мусорные кучи, заполняющие сайты. В.И. Вернадский, возможно, был бы изумлен, узнай он, что по содержанию новейшие информационные каналы – это, скорее, не умно-, а глупосфера» (Шкуратов, 2009, с. 132-133). Но я не уверен, что «видеодигма» стоит на интеллектуальной лестнице выше «наррадигмы» и «когидигмы» (систем письменной и интеллектуальной культур, которые В.А. Шкуратов разделил по малоубедительному для меня обоснованию и сдвинул в архаику).

Так как проблема учебника прямо связана с педагогической практикой, стоит обратиться к результатам влияния конструктивизма на современное образование. По мнению Н. Смита, «постмодернизм... снискал дурную славу в глазах ученых и других слоев общественности, а влияние конструкционизма на сферу образования, возможно, принесло вреда больше, чем пользы» (Смит, 2007, с. 343) Здесь манипуляция «независимыми» знаковыми системами, похоже, привела конструкционистов к захвату «педагогической власти». Неслучайно конструктивисты любят ссылаться на разработанную М. Фуко концепцию «знание-власть». (В теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф утверждается, что «объективность – это осадочная власть, где следы самой власти уже стерлись, где забыли, что мир сконструирован политически» (Филлипс, Йоргенсен, 2008, с. 75)).

Казалось бы, разумное знание должно обрести больше власти, чем неразумное. В действительности может быть и наоборот: восторжествовать принцип XVI века «чья власть, того и вера» (выбор правителем между католицизмом и протестантизмом устанавливал государственное

вероисповедание). Кстати В.А. Шкуратов, будучи большим поклонником М. Фуко, высказал опасение по поводу возможного впадения в крайности, исходя из его системы: «Структуры не обязательно крушить, как это делал, например, М. Фуко, видевший в них что-то вроде тюремных казематов власти-знания, в которых заключена человеческая свобода» (Шкуратов, 2015, с. 33). Но такое «смягчение» принципа не отменяет. И открывается возможность говорить о «смерти автора», что позволяет считать интерпретацию текста классика свободной от его позиции и зависимой только от «власти» читателя. Популярность приобретает теория деконструкции. Метафорическая игра словами во имя чисто символической демонстрации оригинальности открывает путь к формированию деструктивных установок. Ю.М. Лотман провел аналогию между феноменами культуры 1830-х годов и современной ему, указав на опасность псевдоноваторства: «Застой, который установился в русском обществе после разгрома декабристов... породил волну мнимого новаторства. Именно те писатели, которые связаны были с пошлостью вкусов среднего читателя, имитировали бурное новаторство... В настоящий момент европейская цивилизация (включая Америку и Россию) переживает период генеральной дискредитации самой идеи взрыва... Взрыв как явление физики, лишь метафорически переносимое на другие процессы, отождествился для современного человека с идеями разрушения и сделался символом деструктивности» (Лотман, 1992, с. 21-22).

Сторонник философии методологического анархизма П. Фейерабенд, протестуя против рационализма (и против интеллектуалов!) как наследия тоталитарной эпохи, заявил: «Релятивизм пугает интеллектуалов, ибо угрожает их социальным привилегиям (так в свое время просветители угрожали привилегиям священников и теологов). Народ, долго тиранизируемый интеллектуалами, научился отождествлять релятивизм с культурным и социальным декадансом. Поэтому на релятивизм нападают и

фашисты, и марксисты, и рационалисты» (Новейший философский словарь, 2003, с. 1079).

Фактически сторонники классической науки получили политическое обвинение. Нарушив методологический принцип самоприменения (нужно быть терпимым, но разрешено быть нетерпимым к отрицающим этот тезис), всех не принимающих релятивизм Фейерабенд обвинил в преступном догматизме, – преступном, фашиствующем. С помощью такой идеологической установки «терпимым» были развязаны руки в подавлении несогласных с ними. (Так всегда и случается после разгула анархизма, как показывает история, но конструктивисты ее плохо признают). Вот оценка положения в системе образования США, данная американским ученым Аланом Кромером: «В Соединенных Штатах система начального и среднего образования на сегодняшний день контролируется преподавателями, прошедшими профессиональную научную подготовку в педагогических учебных заведениях, печально известных уже в течение ста лет своим низким образовательным уровнем. Редко можно встретить преподавателя научных дисциплин, который знал бы предмет хотя бы на уровне, соответствующем требованиям, предъявляемым восьмиклассникам. Именно эта группа с энтузиазмом встретила конструктивизм, поскольку он дает им возможность говорить только о процессе (каков бы он ни был), а не о содержании (в котором они остаются невежественными). Именно эта группа составляет программы, стандарты и учебники для начальной и средней школы» (Смит, 2007, с. 341-342). Захватив власть, сторонники толерантности, в лучшем случае, готовы терпимо относиться к возражениям по поводу их взглядов, но не склонны подпускать оппонентов к организации практических регулятивов образования.

В результате бюрократическая машина образования обезопасила себя от любой критики. «Система образования обвиняет родителей и учащихся в том, что им не удастся сформировать внутреннюю мотивацию, а потому не

удается достичь высоких результатов в обучении» (Смит, 2007, с. 193). Получается, что «не тех» детей присылают в школу. Позиция родителей была на редкость здоровой. «Один отец по этому поводу заметил, что раньше родители водили детей в цирк, а в школе их учили читать, а теперь в школе их ведут в цирк, а родители учат их читать» (Смит, 2007, с. 192). Достаточно вспомнить теорию Л.С. Выготского о «зоне ближайшего развития», чтобы различить обучение адаптирующее от развивающего. Как сказал А.Н. Уайтхед, «в конце концов, ребенок является наследником многовековой цивилизации, и глупо позволять ему блуждать по интеллектуальному лабиринту человека эпохи оледенения» (Доналдсон, 1985, с. 146). По заключению Национальной Комиссии по образованию США, конструкционизм и гуманистическая психология в образовании «оказали в высшей степени пагубное влияние на уровень академических достижений» (Смит, 2007, с. 342).

Прогноз вместо итога

В заключение я хотел бы выразить убеждение, что историческую психологию нельзя административно отменить. Она будет развиваться и становиться полноценной частью психологической науки. Наступило время и написания нового учебника по исторической психологии. Его нельзя создать на основе концепции конструктивизма, потому что возникнут непреодолимые затруднения в методологическом и дидактическом аспектах. Скорее всего, гуманитарные науки не смогут адаптировать даже самые мягкие и гибкие варианты конструктивизма, сколько бы он ни опирался на идею и практическое применение принципа «знание-власть». Подкупающие идеи конструктивистов о роли активного, творческого конструирования личностью себя и мира в гуманитарии и так давно известны. Требование обязательного включения в объект субъекта влечет отказ от признания истины, а также утверждение не только релятивности любого мнения, но и

их равенства. Тогда возникают непреодолимые трудности в поисках предпочтения гипотез, а научный багаж учебной дисциплины становится похож на их перечисление. Академическая же гуманитарная традиция, признающая правомочность «веера» интерпретаций культурного объекта, отчетливо отрицает равноправие познавательной ценности любых произвольных его истолкований (релятивизм без границ). Едва ли можно создавать учебник исторической психологии при установке на скомканное время, сплющенное до настоящего. Идея М.М. Бахтина о связи времен в большом времени потока развития культуры значительно ближе к сущности гуманитарного знания, чем куновская установка на парадигмальные разрывы в науке, не получившая должного признания у методологов, и еще меньше – у представителей даже естественных наук, более склонных к предпочтению теории взаимодействия научно-исследовательских программ Лакатоса. Для исторической психологии важно, что история (бег времени) в каждый отдельный момент (в синхронности) материализуется при представленности асинхронной галереи идей, систем поведения и производства артефактов, обеспечивающих движение в будущее. Коль скоро речь в данной статье идет о возможности создать конструктивистский учебник, то мы переходим здесь в зону практической (дидактической) реализации научных идей. Многолетние опыты внедрения конструктивизма в американскую школьную жизнь продемонстрировали скорее неудачу. Но ведь это не первая попытка такого рода. Почти век назад З. Фрейд в заключительной, 35 лекции «Введения в психоанализ», озаглавленной «О мировоззрении», отмечал: «В первую очередь следовало бы назвать здесь различные философские системы, которые отважились нарисовать картину мира в том виде, как она отражалась в уме обычно отвернувшегося от мира мыслителя... Одно из этих мировоззрений является как бы аналогом политического анархизма... Согласно анархистскому учению, вообще нет никакой истины, никакого надежного познания внешнего мира. То, что мы выдаем за научную истину,

является всего лишь продуктом наших собственных потребностей в той форме, в какой они должны проявляться при меняющихся внешних условиях, т.е. опять-таки иллюзией... Поскольку критерий истины, согласованность с внешним миром отпадает, то совершенно безразлично, каких мнений мы придерживаемся. Все одинаково истинно и одинаково ложно. И никто не имеет права уличать другого в заблуждении 411... Могу лишь сказать, анархическое учение звучит так неопровержимо, пока дело касается мнений об абстрактных вещах; но оно отказывает при первом же шаге в практическую жизнь... Если бы было действительно безразлично, что именно мы думаем, не было бы никаких знаний, которые, по нашему мнению, согласуются с действительностью, и мы могли бы с таким же успехом строить мосты из картона, как и из камня... Но и интеллектуальные анархисты отказались бы от такого практического приложения своего учения» (Фрейд, 1989, с. 411-412).

При создании нового учебника по исторической психологии, конечно, первообразом будет книга основателя этой дисциплины в нашей стране Владимира Александровича Шкуратова, изданная в 1997 году. Будет учтен и его опыт поисков новых идей, не получивший успешного завершения, но не потерявший своей поучительности и ценности, и продемонстрировавшей мужество бесстрашного исследователя. Научный поиск – это выезд в «поле незнаемо». «Субъект познания не может соотносить свои сегодняшние знания с будущими, поскольку последние ему неизвестны. Никто не может знать, что должно получиться в итоге познания, а потому по ходу познавательной деятельности никогда до конца не ясно, что в получаемых знаниях верно и надо сохранять, а что – отбросить» (Аллахвердов, 2021, с. 512). А пока, при необходимости вести учебный курс по исторической психологии, я буду рекомендовать студентам, в первую очередь, классический труд Владимира Александровича Шкуратова – до сих пор лучшее учебное пособие, достойный памятник его создателю.

Список использованных источников

- Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., ДНК, 2000. 528 с.
- Аллахвердов В.М., Иванов М.В. Когнитивные механизмы, обеспечивающие культурное воздействие и формирующиеся под воздействием культуры // *Нейронаука в психологии, образовании, медицине: Сб. статей.* СПб., ЛЕМА, 2014. С. 122-128.
- Аллахвердов В.М. Психология как наука и проблема демаркации // *Собр. соч. в 7-ми томах.* СПб., Владимир Даль, 2021. Т. 4. С. 208-547.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., Советский писатель, 1963. 364 с.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 350 с.
- Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., Прогресс, 1987. 336 с.
- Гусельцева М.С. Методологические предпосылки развития культурно-исторической психологии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. URL: <http://childpsy.ru/dissertations/18333/>
- Доналдсон М. Мыслительная деятельность детей. М., 1985. 191 с.
- Есть ли жизнь в постсовременности. Интервью с В.А. Шкуратовым, 2008. URL: <https://expert.ru/south/2008/29/shkuratov>
- Иванов М.В. Историческая психология личности. СПб., ПГУПС, 2006. 182 с.
- Иванов М.В. Человек на берегу Леты. Личность и время в культуре и психологии. СПб., София, 2021. 490 с.
- Иванов М.В. Личность и социальный кризис в контексте исторической психологии // *Развитие человека в условиях социально-психологической и экономической неопределенности и кризисных явлений: Коллективная монография.* СПб., София, 2022. С. 12-43.
- Карицкий И.Н. Конструирование миров // *Методология и история психологии*, 2018. Вып. 1. С. 5-14.
- Колчинский Э.И., Лубский А.В., Мининков Н.А., Рябова Л.В., Шкуратов В.А. Проблемы исторической психологии и концептуальной рутины // *Политическая концептология*, 2016. № 3. С. 366-375.
- Кун Т. Структура научных революций. М., АСТ, 2009. 317 с.
- Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., Московский философский фонд, 1995. 236 с.
- Лотман Ю.М. Своеобразие художественного построения «Евгения Онегина» // Ю.М. Лотман. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., Просвещение, 1988. С. 31-107.
- Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., Просвещение, 1980. 415 с.
- Марков Б.В. Философия. М., СПб., 2012. 432 с.
- Петренко В.Ф. Конструирование истории // *Методология и история психологии*, 2018. Вып. 1. С. 15-33.
- Смит Н. Психология. Современные системы. СПб., Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 543 с.
- Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
- Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., Наука. 1989. 456 с.

- Ханова В., Тарасевич Г., Меркулова О. Поговорить с кроманьонцем. Исторический психолог В.А. Шкуратов. 27 февраля 2015. URL: <https://zotyach7.livejournal.com/14073.html>
- Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-на Дону, Феникс, 2002. 544 с.
- Шкуратов В.А. Историческая психология. Изд. 2-е, расшир. М., Смысл, 1997. 505 с.
- Шкуратов В.А. Искусство экономной смерти. Сотворение видеомира. Ростов-на-Дону, Наррадигма, 2006. 400 с.
- Шкуратов В.А. Новая историческая психология: монография. Ростов-на-Дону, 2009. 244 с.
- Шкуратов В.А. Историческая психология как история психологического знания // Российский психологический журнал, 2015. Т. 12. № 44. С. 31-45.
- Шкуратов В.А. Культура мысли и знание-власть // Методология и история психологии, 2018. Вып. 1. С. 84-107.
- Элен П. Удивление – пафос философской мысли // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления / Под. ред. И.Т. Касавина и В.Н. Поруса. СПб., РХГИ, 1999. С. 74-89.
- Clifford G.J. The Shape of American Education. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1975.
- Cromer A. Connected Knowledge: Science, Philosophy, and Education. New York, Oxford University Press, 1997.
- Kitayama S., Ishii K., Imada T., Takemura K., Ramaswamy J. Voluntary settlement and the spirit of independence: Evidence from Japan's «northern frontier» // Journal of Personality and Social Psychology, 2006. Vol. 91. Pp. 369-374.
- Semin G.R., Gergen K.J. (eds.) Everyday Understanding: Social and Scientific Implications. London, Sage Publications, 1990.
- Stebbins S.L., St. Pierre R.G., Proper E.C., Anderson R.B., Cerva T.R. Education as Experiment. Cambridge, MA, 1977.
- Uscul A.K., Kitayama S., Nisbett R.E. Ecocultural basis of cognition: farmers and fishermen are more holistic than herds // Proceedings of the National Academy, USA, 2008. Vol. 105(25). Pp. 8552-8556.

References

- Allakhverdov V.M. Soznanie kak paradoks [Consciousness as a paradox]. St. Petersburg, DNK Publ., 2000. 528 p. (In Russian)
- Allakhverdov V.M., Ivanov M.V. Kognitivnye mekhanizmy, obespechivaiushchie kul'turnoe vozdeistvie i formiruiushchiesia pod vozdeistviem kul'tury [Cognitive mechanisms that provide cultural impact and are formed under the influence of culture] // Neironauka v psikhologii, obrazovanii, meditsine: Sb. statei. St. Petersburg, LEMA Publ., 2014. P. 122-128. (In Russian)
- Allakhverdov V.M. Psikhologiya kak nauka i problema demarkatsii [Psychology as a science and the problem of demarcation] // Sobr. soch. v 7-mi tomakh. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2021. Vol. 4. Pp. 208-547. (In Russian)
- Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1963. 364 p. (In Russian)

- Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1986. 350 p. (In Russian)
- Vertgeimer M. Produktivnoe myshlenie [Productive thinking]. Moscow, Progress Publ., 1987. 336 p. (In Russian)
- Gusel'tseva M.S. Metodologicheskie predposylki razvitiia kul'turno-istoricheskoi psikhologii. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk [Methodological prerequisites for the development of cultural and historical psychology. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Psychological Sciences]. MSU im. M.V. Lomonosova, 2003. URL: <http://childpsy.ru/dissertations/18333/> (In Russian)
- Donaldson M. Myslitel'naia deiatel'nost' detei [The mental activity of children]. Moscow, 1985. 191 p. (In Russian)
- Est' li zhizn' v postsovremennosti. Interv'iu s V.A. Shkuratovym [Is there life in postmodernity. Interview with V.A. Shkuratov], 2008. URL: <https://expert.ru/south/2008/29/shkuratov> (In Russian)
- Ivanov M.V. Istoricheskaiia psikhologiiia lichnosti [Historical psychology of personality]. St. Petersburg, PGUPS, 2006. 182 p. (In Russian)
- Ivanov M.V. Chelovek na beregu Lety. Lichnost' i vremia v kul'ture i psikhologii [A man on the shore of Lethe. Personality and time in culture and psychology]. St. Petersburg, Sofiia Publ., 2021. 490 p. (In Russian)
- Ivanov M.V. Lichnost' i sotsial'nyi krizis v kontekste istoricheskoi psikhologii [Personality and social crisis in the context of historical psychology] // Razvitie cheloveka v usloviakh sotsial'no-psikhologicheskoi i ekonomicheskoi neopredelennosti i krizisnykh iavlenii: Kollektivnaia monografiia [Human development in conditions of socio-psychological and economic uncertainty and crisis phenomena: A collective monograph]. St. Petersburg, Sofiia Publ., 2022. Pp. 12-43. (In Russian)
- Karitskii I.N. Konstruirovaniie mirov [Constructing worlds] // Metodologiiia i istoriia psikhologii, 2018. Iss. 1. Pp. 5-14. (In Russian)
- Kolchinskii E.I., Lubskii A.V., Mininkov N.A., Riabova L.V., Shkuratov V.A. Problemy istoricheskoi psikhologii i kontseptual'noi rutiny [Problems of historical psychology and conceptual routine] // Politicheskaiia kontseptologiiia, 2016. No. 3. Pp. 366-375. (In Russian)
- Kun T. Struktura nauchnykh revoliutsii [The structure of scientific revolutions]. Moscow, AST Publ., 2009. 317 p. (In Russian)
- Lakatos I. Fal'sifikatsiia i metodologiiia nauchno-issledovatel'skikh programm [Falsification and methodology of research programs]. Moscow, Moskovskii filosofskii fond Publ., 1995. 236 p. (In Russian)
- Lotman Iu.M. Svoeobrazie khudozhestvennogo postroeniia «Evgeniia Onegina» [The originality of the artistic construction of "Eugene Onegin"] // Iu.M. Lotman. V shkole poeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol' [At the school of the poetic word. Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988. Pp. 31-107. (In Russian)
- Lotman Iu.M. Roman A.S. Pushkina «Evgenii Onegin». Kommentarii [A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin". Comment]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1980. 415 p. (In Russian)
- Markov B.V. Filosofiiia [Philosophy]. Moscow, St. Petersburg, 2012. 432 p. (In Russian)
- Petrenko V.F. Konstruirovaniie istorii [The construction of history] // Metodologiiia i istoriia psikhologii, 2018. Iss. 1. Pp. 15-33. (In Russian)

- Smit N. Psikhologiya. Sovremennye sistemy [Psychology. Modern systems]. St. Petersburg, Prain-EVROZNAK Publ., 2007. 543 p. (In Russian)
- Fillips L., Iorgensen M.V. Diskurs-analiz. Teoriia i metod [Discourse analysis. Theory and method]. Khar'kov, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2008. 352 p. (In Russian)
- Freid Z. Vvedenie v psikhoanaliz. Lektsii [Introduction to psychoanalysis. Lectures]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 456 p. (In Russian)
- Khanova V., Tarasevich G., Merkulova O. Pogovorit' s kroman'ontsem. Istoricheskii psikholog V.A. Shkuratov [Talk to a Cro-Magnon. Historical psychologist V.A. Shkuratov]. 27 fevralia 2015. URL: <https://zotych7.livejournal.com/14073.html> (In Russian)
- Shibutani T. Sotsial'naia psikhologiya [Social Psychology]. Rostov-na Donu, Feniks, 2002. 544 s. (In Russian)
- Shkuratov V.A. Istoricheskaya psikhologiya. Izd. 2-e, rasshir. [Historical Psychology. 2nd Ed., expanded]. Moscow, Smysl Publ., 1997. 505 p. (In Russian)
- Shkuratov V.A. Iskusstvo ekonomnoi smerti. Sotvorenie videomira [The Art of economical death. Creation of the video world]. Rostov-na-Donu, Narradigma Publ., 2006. 400 p. (In Russian)
- Shkuratov V.A. Novaia istoricheskaya psikhologiya: monografiia [New historical psychology: monograph]. Rostov-na-Donu, 2009. 244 p. (In Russian)
- Shkuratov V.A. Istoricheskaya psikhologiya kak istoriia psikhologicheskogo znaniia [Historical psychology as a history of psychological knowledge] // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal, 2015. Vol. 12. No. 44. Pp. 31-45. (In Russian)
- Shkuratov V.A. Kul'tura mysli i znanie-vlast' [Culture of thought and knowledge-power] // Metodologiya i istoriia psikhologii, 2018. Iss. 1. Pp. 84-107. (In Russian)
- Elen P. Udivlenie – pafos filosofskoi mysli [Surprise is the pathos of philosophical thought] // Razum i ekzistentsiia: analiz nauchnykh i vnenauchnykh form myshleniia / Pod. red. I.T. Kasavina i V.N. Porusa. St. Petersburg, RKhGI Publ., 1999. Pp. 74-89. (In Russian)
- Clifford G.J. The Shape of American Education. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1975.
- Cromer A. Connected Knowledge: Science, Philosophy, and Education. New York, Oxford University Press, 1997.
- Kitayama S., Ishii K., Imada T., Takemura K., Ramaswamy J. Voluntary settlement and the spirit of independence: Evidence from Japan's «northern frontier» // Journal of Personality and Social Psychology, 2006. Vol. 91. Pp. 369-374.
- Semin G.R., Gergen K.J. (eds.) Everyday Understanding: Social and Scientific Implications. London, Sage Publications, 1990.
- Stebbins S.L., St. Pierre R.G., Proper E.C., Anderson R.B., Cerva T.R. Education as Experiment. Cambridge, MA, 1977.
- Uscul A.K., Kitayama S., Nisbett R.E. Ecocultural basis of cognition: farmers and fishermen are more holistic than herds // Proceedings of the National Academy, USA, 2008. Vol. 105(25). Pp. 8552-8556.